

В ПОИСКАХ ВЫСШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья ШАНТЫРЬ

Исповедь интрасенса

В предыдущем номере журнала мы обратились к понятию «Высшая Реальность» в связи со статьей Э. Тимошенко, а также предшествующими ей публикациями З. Миркиной (М 5, 1990 г.), С. Яки (М 6, 1990 г.), В. и О. Ладоренко (М 1, 1991 г.)- Придавая исключительное значение разработке этой далеко еще не ясной и даже загадочной проблемы, которая ныне повсеместно вызывает повышенный интерес, журнал открывает новую рубрику. В ней предполагается публиковать материалы, ставящие целью пересмотр некоторых фундаментальных мировоззренческих постулатов, на которых долгое время основывалась и продолжает разрабатываться «научная картина мира» с ее отрицанием Высшей Реальности и внутренней противоречивостью — следствием такого отрицания. В одном из ближайших номеров журнала планируется напечатать статью, в которой делается попытка философского анализа понятия «Высшая Реальность» и тех познавательных средств, которые, с точки зрения автора, могли бы приблизить нас к ее пониманию.

Ранее мы анонсировали публикацию в этом номере сокращенного варианта «Диалогов с космическим Разумом», которые были подготовлены в созданном сравнительно недавно Всесоюзном научно-координационном и исследовательском уфоцентре. Однако эта публикация потеряла смысл, поскольку авторы Диалогов уже издали их в полном виде - книжка вышла в январе 1991 г. в Нижнем Новгороде. Мы приносим свои извинения читателям и открываем новую рубрику работой, в которой уже знакомый вам автор вдруг обнаруживает новую грань своего творчества. Музыковед Наталья Шантырь - автор выступлений в «Юности» (М 9, 1988), «Советской музыке» №№ 9, 12, 1989; № 1, 1990), «Театре» (№ 11, 1990), в нашем журнале (№№ 1 и 2, 1991). Публикуемая ниже ее статья представляет собой главу из рукописи «Лестница в небо», над которой она работает в настоящее время. Предлагаемый фрагмент содержит описание своеобразного погружения в глубины собственного сознания. Автор сталкивается с впечатляющим эффектом (по-разному передаваемым разными людьми) собственной причастности к космическому Целому, ощущает себя его частицей, к которой имеют отношение «все процессы мировой целесообразности».

Уже существует традиция в трактовке такого рода феноменов как одного из симптомов проявления у человека космического сознания. Это свидетельствует, по мнению известного парапсихолога А.Мартынова, о том, что в недрах нашей стареющей цивилизации «зарождаются ростки новой – суперцивилизации. Ее чертами будут овладение психической энергией, постижение многомерности, утверждение космического сознания»¹.

¹ М а р т ы н о в А. Исповедимый путь. М., 1990, с. 156.

Сколько помню себя, мне всегда было трудно общаться: глаз не поднять, лицо как чужое, прямо-таки физическое ощущение давления На голову... А в людных местах! Напряжение такое, будто горы ворочаю: сердце колотится, раскалывается голова... Плохо мне, плохо!..

Что-то во мне самой воздвигает вокруг меня глухую стену, пропускающую лишь очень немногих, и требует, чтобы я забилась поглубже вовнутрь, не привлекала внимания. Сетовать мне не на кого — источник отчуждения внутри меня. Он в меня врожден.

... А если я не хочу одиночества?!

М-да, проблема прямо-таки для психопатологов...

Нет. У них я была однажды и вынесла оттуда твердое убеждение, что больше я там не буду. Этот путь не мой. Спасибо, я уж как-нибудь сама с Божьей помощью...

Прежде мне часто снился сон: я среди людей на улице — голая! Сон был вещим: я, словно голая, открыта всему. У меня гипертрофирована восприимчивость.

Все во мне застревает надолго — запахи, звуки... От чужих болезней заболеваю, от чужой мутности замутняюсь мгновенно и потом неделями страдаю, мучительно пытаюсь восстановить в себе утраченную ясность. Иногда мне кажется, что я воспринимаю всю муть, сколько ее ни есть над многомиллионным городом: такая тяжесть и пустота вдруг накатывают... Где-то близко надрыв. Нет, я его не допущу.

... А может быть, я это все выдумываю, чтобы оправдать обыкновенную депрессию? Может быть, источник моей подавленности так же в меня врожден, как и источник отчуждения?

А что, если не выдумываю? Если случайно брошенный в толпе недобрый, мутный взгляд способен вызвать мгновенное недомогание, а ясный, доброжелательный — подъем сил? Тогда, возможно, мой «зажим» в общении — моя «защита»? Чтобы не заболеть от чужой мути, лучше спрятаться от нее, не общаться вовсе? Но ведь некоторых моя «защита» все же пропускает...

Я убеждена: взгляд имеет власть. Думать иначе я не могу, потому что вижу как от одного моего взгляда еще до того, как я слово успела вымолвить, люди ощущают ко мне приязнь или неприязнь. Второе чаще, и я знаю, почему: у меня взгляд пронзительный. У меня глаза устроены рентгеновски: когда смотрю прямо в глаза человеку, я проникаю через зрачок куда-то вовнутрь него и вижу там нечто. Я не знаю, что, но я — вижу. Иногда это бывает сопряжено с уверенностью, что человек чувствует то-то, думает то-то, что он сейчас скажет то-то — и он действительно это говорит! ... Я читаю мысли?!

Стоп! Человек отводит глаза: он закрывается. Ты видишь нечто, что он не хочет показывать никому; и ему неуютно оттого, что его поймали. В большинстве своем люди не любят, когда их ясно видишь, потому что видишь одновременно их идеальный образ и его замутненность... как будто судишь их своим прямым взглядом, и им становится стыдно, и они ускользают, испытывая к тебе неприязнь: кто ты такой, чтобы судить?..

Как редки глаза, открытые до самой глубины!.. Некоторые вообще полагают, что глядеть людям прямо в глаза «неприлично»...

Меня научила этому моя собака. Моя интеллигентная собака с говорящими глазами, на всю жизнь преподавшая мне урок того, что такое — любить. Она умерла от человеческой болезни — моя любимая, улыбчивая, одухотворенная собака; именно такая, какая мне виделась неизвестно

где и когда... Как смешно — складываясь одновременно всеми своими частями и кряхтя басом — плюхалась она около меня, погруженной в книгу, вздыхала тяжело, разворачиваясь, и замирала под моей небрежно спущенной с дивана рукой... А как сияли ее глаза, когда, на секунду оторвавшись от головокружительной охоты, чтобы будто ненароком проверить, действительно ли я существую на свете, вылетала она на меня из подлеска — язык на плече... Почему, когда умирают наши любимые, любящие, преданные — если мы не замыкаемся в чувстве утраты — связь с ними становится более действенной?..

Я люблю читать в глазах движение мысли. Когда изнутри льется ясный свет, я воспринимаю от человека импульс покоя и тепла; когда свет мерцает, поминутно затеняясь, я физически ощущаю легкие переливы покоя и беспокойства и знаю, что эта зыбкость — определяющая черта владельца таких, мерцающих, звездных глаз. Есть глаза, где внешний слой зрачка плоско-прозрачен, как стекло, а под ним — застывшая ярость. У таких людей звероподобные лица; дикие звери не переносят прямого взгляда — бросаются. А есть глаза, в чей ослепительно-беспросветный мрак утекаешь без остатка. Страшная в своей ледяной наготе, смотрящая на тебя в упор зияющая дыра. Сколько кругом оболочек, внутри которых человеческое выжжено — ничего нет, кроме этой, не имеющей ограничителей силы! Сколько жизней, цепenea, утекает в зияющие провалы!.. Люди не знают, что с ними происходит, но инстинктивно чувствуют, что глаза имеют власть опустошать. И потому те, кто помягче, заранее пугаются прямого взгляда.

Я стесняюсь своего взгляда. Я сама пугаюсь людей и прячу глаза. Я долго не выдерживаю скользкости одних и обжигающей наглости других — и то, и другое равно опустошает меня; я истончаюсь, мой альтруизм сменяется мизантропией, и я бегу от людей. Я бегу в природу.

А в лесу после грозы
умопомрачительный пар,
сквозь который пробивается
расщепленное косыми тенями сиянье
от источника, что скрыт густой листвой.
И ауканья птиц
отдаются в смутной колоннаде деревьев
таинственно, празднично и гулко.
И ты идешь, как зачарованный,
босиком, по пояс в радужном сверкании трав
по этому тронному великолепию,
всем своим существом ощущая в происходящем
глубочайший
литургический
смысл...

Свободна! Я сбрасываю город как ненужную одежду и, стремительно вырастая, наконец-то, становлюсь собой. И превращаюсь в нос, глаза, уши, как будто прочищаюсь вся и начинаю ощущать, как через меня проходят силовые линии мироздания. За городом я знаю, что я - нужна. И этому тоже меня научила моя собака.

. Тем труднее возвращаться. В скорлупу... Как уместить в нее свою никому не нужную огромность?..

В городе мне некуда девать длину шага, прямизну плеч - всюду извилистость углы и тупики. Зрение становится плоским, тупиковым - глаза не хватает пространства, пропадает резкость видения. И мне не

достаёт воздуха... Испытывая удушье, жадно тяну в себя, а инстинкт кричит: опасность! Сколько можно продержаться за счёт внутреннего запаса, за счёт памяти о нежном — изнутри к легким — прикосновении запахов?..

Что мы вдыхаем! Я все время чувствую в городе свои легкие. У меня ощущение, что они заросли внутри мохнатой, жирным мазутом пропитанной пленкой. Воистину, вырастают в наших грудных клетках цветы зла, против которых мы бессильны. Городские деревья — они мутанты, они приспособились. Я не мутант. Я скоро вымру...

Моя болезнь называется Город. Мне некуда девать здесь радость. Я здесь теряю силу, многократно уменьшаюсь, слепну и старею. Я смотрю в зеркало и мучительно пытаюсь придать лицу выражение утраченной ясности — оно и выходит вымученным: никак не поднимаются углы рта, глаз, на меня из зеркала смотрит горькое, тяжелое, жесткое лицо. И я начинаю совершать жесткие поступки.

— — —

Город. На экранах лица убитых и убийц. Чувства и мысли заострены, противостоят друг другу насмерть. Некуда деться от загустения людской злобы — нас качает на весах истории в прорезаемой ослепительными вспышками мгле. Человек — подавляемое существо. Как понять, где — истина, когда на тебя со всех сторон давят идеи?.. Я задыхаюсь в водовороте событий, газет, журналов. Я не потребитель! Мне нужно разобраться — самой: мое видение пересекает фронты. Не с яростью, а с недоумением и печалью гляжу на плоды того, что сеяла не я, и вижу, как людская ограниченность предопределяет жестокость жатвы. Космический Господи, будь милосерд к детям! Пусть моя дочь увидит начало нового Дня. Ведь ради этого Ты и дал мне Дело...

— — —

Человек не может без связей: в него вложена потребность в том, что называют «средой». И я ищу подобное себе. Я перехожу из группы в группу — вот, похоже, это мне близко... Но нет, рано или поздно я неизбежно чувствую потребность выдраться куда-то в другое измерение: мне всюду тесно. Мне всегда казалось странной, абсурдной потребностью людей замыкаться в своих взглядах и замыкать круг общения теми, чьи взгляды являются отражением их собственных. Именно отсюда берет начало воинствование: в замкнутом пространстве среды взгляды отчуждаются от их носителей, усредняются, стереотипизируются, становятся «вещью для себя»; и вот уже, сталкиваясь со всем новым, среда меряет его этими стереотипами и — отторгает. А ведь никто не застрахован от, того, что, даже будь он хоть трижды прав, в противоположной точке зрения может содержаться не меньшая доля истины...

Скажи я такое в любой среде — меня сочтут беспринципной. Вероятно потому, что еще ни в одной из них я не чувствовала себя до конца «своей». Я одиночка. Монстр.

Только однажды я встретила в поле двух поразительных людей и рванулась к ним, позабыв про все на свете, но они не заметили, пролетели мимо... Так, значит, это существует?! «Дождь кончится в половине седьмого», — сказала богиня. И он кончился именно в половине седьмого. Она знала это точно. А я — галерный раб, прикованный к своему письменному столу, я — гадкий утенок-переросток: полжизни уже прожито, а все никак не превращусь в лебедя... Наверно, моя Карма такая: не заслужила...

Я сижу в своих четырех стенах. Вязкая тишина обступает. Кажется, что телефон существует только для того, чтобы ты физически ощущал его

молчание... Для одних я слишком неразборчива в контактах; для других слишком «элитарна». Вечный маятник между «интеллигенцией» и «народом» (и то и другое — что это такое?..), между аристократизмом и демократичностью, между снобизмом и простотой, которая подчас хуже воровства. Одни замкнуты, другие грубы. И те и другие грубы, только первые более утонченно. А те, кто не грубы,— тем более замкнуты и отталкивают с мягкой настойчивостью, которая больнее грубости.

Я не подхожу первая — не хочу видеть, как замолкнут на полуслове. Я общаюсь по закону безрыбья: кого жизнь сама на меня выведет. Редких друзей — больше мне и не надо — я нахожу в разных средах; но они плохо стыкуются между собой. И потом, перекрестки неизбежно нас разъединяют, оставляя память, чувство связи, но не самого человека. Дороги круты. Или это моя так крута?..

Хочется ткнуться носом в ладонь хозяину и замереть, зажмурившись: тоска по женской доле. Хозяева перевелись — все взьерошенные, ошетиленные; и все при этом желают скакать вольными конями... А когда предлагаешь им космос — тянут в погреб: ничего не понимают. А когда понижают, что ты им предлагаешь, пугаются: ты для них уже вроде как не совсем женщина. Потому что это не укладывается в их стереотипы.

Вероятно, они правы. По-моему, у меня просто не может быть «как у людей». Испытываю то, что, наверное, испытал набоковский Цинцинат Ц. из «Приглашения на казнь» — невстроенность в социальное бытие. Оно извергло его за то, что, с точки зрения фантазмагии, которую люди считают обыденностью и нормой, в нем была какая-то странность.

Странность была: он имел способность двигаться по воздуху и, как выяснилось, оказался бессмертным.

Так ведь я...

Я — монстр. Я какой-то странный монстр. В двадцать три я ощутила, что была всегда. Что я есмь вечно. Ослепительное переживание...

Внезапно захватывает дух; по жилам ударяет ток. Ощущая во всем теле невесомость, искришься как шампанское. В ногах слабость, взгляд затуманен и обращен куда-то вовнутрь. Мозг пронзительно озарен до самой сокровенной глубины, в которой тонешь — и стремительно летишь куда-то, распадаясь на частицы и одновременно испытывая поразительную ясность сознания, ощущая восторг и ужас, гордость и отрешенность от себя. В таком состоянии приходят самые ослепительные мысли. Напряженный до предела, ты гудишь под напором, как тетива боевого лука, мощно вибрируешь, как звучащая струна, всеми своими частями; и все разрастается, заполняя пространство, откуда-то изнутри и сверху идущее яркое свечение. Нет больше тела, нет тебя, нет других ощущений — только этот свет. Если так умирать — я согласна. Мольба распятого на осях Вселенной — того, кто ощущает в себе силу, превосходящую его силы во стократ: Господи, Ты так велик, а я так мал — ничтожнейший из Твоих любимых детей, бездарнейший из учеников... Не дай мне впасть в бесформие...

... Это же надо было понять, что у такого состояния величайшая традиция! Надо было понять, что это — норма взаимоотношений человека и Космоса...

Вот так я оказалась неготовой к обрушившемуся на меня в двадцать три огненному посвящению. Космос требовал меня всю. Огромная, нечеловеческая радость распирала, рвала меня на части, и я взрывалась. Кто же знал что это надо излучать? Ведь этому не учили... Стягивало ноги руки веки, губы, сводило дыхание. Было страшно. А бившееся о стены страха сознание фиксировало малейшие оттенки состояния - как

будто расширенными глазами; и где-то в нем находилась точка покоя, глядящая на весь этот ужас извне...

Сначала я думала, что умираю. Потом — что я заболела эпилепсией. Потом меня стали отфутболивать друг к другу врачи — моя болезнь не вписывалась в их стереотипы. Слава Богу, что мне не подошло ни одно из их лекарств! Не находя в них облегчения, я непроизвольно шла к пониманию того, что мое спасение — в познании моей глубины и в овладении ею. Никому своего пути не пожелаю. Но не променяла бы его ни на что. Мне еще повезло. В средние века за такие «полеты» сжигали. А Меня любящие родители даже к психиатрам не потащили. А те несколько сеансов гипноза, которым меня все-таки попытались подвергнуть, дали мне то, что явно не планировалось в качестве врачебного эффекта. Я ясно увидела внутри себя некий стержень света, на который гипноз не оказывал ровным счетом никакого воздействия: в моменты самого глубокого расслабления сознания и тела он — бодрствовал; и мне, сознавшей и контролировавшей во время этих сеансов свои тончайшие ощущения, представлялось, что сознание и контроль исходят именно из этого стержня; что это и есть стержень моей личности — то, что определяет меня как «я».

... А йоги знают это давным-давно. Господи, ну почему Ты не послал тогда Учителя на путях моих?.. Господи, Ты живешь в нашем бессознательном даже, когда наше сознание не готово к восприятию Тебя: я не была готова?..

Как описать не поддающееся описанию? Часами лежа на берегу моей Ладоги под небом кончающихся белых ночей, я явственно ощущала — и теперь ощущаю — космическую глубину, которая на меня смотрит, и я с этим взглядом один на один. Наверно, именно это называется «предстоянием»?.. А еще случается: внезапное смещение зрения — как будто на самом дне моего зрачка вдруг открылся на мгновение, мигнув глубинами Космоса, «фотоглаз». Беззвучно щелкнула диафрагма, и вот я знаю: сейчас я была передатчиком — то, на что я сейчас смотрю, увидено — и оценено — через меня. Чем-то гораздо большим, чем я есть. И наконец пришло и встало во весь свой гигантский рост Ощущение: во мне самой, в моем собственном подсознании есть Нечто. Непостижимое для меня. Оно знает такое, о чем я и не догадываюсь. Оно ведет меня — а временами, когда я проявляю бестолковость и сопротивляюсь, прямо-таки, волочет, обдирая в кровь — куда ему нужно. Сопrotивляясь, я гибну. Я в ужасе от его тирании: куда, как поведет оно меня завтра в этом мире, где, как ни пошевелишься — кого-нибудь толкнешь?.. И все же, несмотря ни на что, я испытываю к нему прямо-таки детскую доверчивость и, подчиняясь, чувствую глубочайшее удовлетворение. Потому что это «что-то» тоже есть я... Нет! «Кто-то» — потому что оно живое! То, что оно мне дает, в конечном счете, для меня важнее всего на свете. А значит, мне жизненно необходимо научиться понимать его как можно лучше.

Наверно, так мне и надо было, наверно, таков был План относительно меня: прожить несколько жизней, спрессованных в несколько лет, утратами платя цену собственного бесформия, чтобы услышать наконец внутри себя абсурдное, поперек всего: должна! — и отчаянно рвануться в пропасть сквозь все пространства к заведомо недостижимому и ощутить руку. Но с тех пор я твердо знаю, что, утратив ее, я неминуемо разобьюсь. Потому что в каком-то смысле меня уже нет.

И вот я иду, куда бы она меня ни вела. Есть логика, которой человеческое мышление не вмещает, так как она представляется ему абсурдом. Я не рассуждаю — я иду. Я потом пойму. А может быть, так и не пойму...

Я — монстр. Я не принадлежу себе. Мое мышление неподвластно моей воле!.. Блаженны компьютеромозглые, ибо их есть царствие земное. Каждый раз, как я хочу своей волей заставить мои мозги думать о чем-то, что-

то запомнить, материя, из которой они сделаны, становится ужасающе косной: они гудят и перегреваются — как будто шапку давящую мне кто-то надвигает по самые глаза.

... Но, может быть, все дело именно в моей воле? В своеволии? Может быть, мое сознание плохо понимает, что моим мозгам — т. е., в конечном счете, мне же — надо? Может быть, оно пытается использовать их не по назначению? Ведь другую-то работу они выполняют просто замечательно...

Днем и ночью идет эта работа. Как будто где-то в моей голове медленно-медленно вращается... не знаю, как назвать, назову условно «сцена»: вдруг откуда-то «сбоку» выдвигается... мысль? формулировка? образ?.. Постоит-постоит, как бы демонстрируясь моему сознанию, высвеченная «прожектором» на «авансцене»; затем «круг» сдвигается в другую сторону, и мысль «уплывает» — «вбок» и «назад», во тьму, в безмолвие. Или другое ощущение того же самого: некая «антенна», которая находится в моей голове, скользит по некоему «диапазону», самопроизвольно (а может быть, откуда-то управляемая?..) улавливая мысли, возникающие перед моим сознанием — оно, видимо, и есть эта «антенна» — в виде готовой информации, которую остается только зафиксировать. И я понимаю: зафиксировать ее — единственное, что от меня требуется, но это — требуется. Сделать явившееся мне явным. Формулировки настаивают, чтобы я их записала: каждая «прокручивается» во мне, как на магнитофонной ленте, как заведенная, притягивая все мое внимание, и так до той самой секунды, когда я занесу ее на любой клочок бумаги — тогда она тут же уходит. Но появляется другая...

Днем и ночью, дома и на улице вдруг начинает действовать во мне эта торжественная круговерть, и я перестаю принадлежать себе: теперь я — улавливатель и передатчик. И потому я не могу говорить про себя: я думаю. Мне думается. В мою голову приходят (недаром, видно, говорят: пришло в голову!) какие-то фрагменты, неожиданно открывающие мне то, что я не знала. Временами они отточены до афоризма; временами туманны и нуждаются в доработке, и тогда за ними маячат смутные громады смыслов. Откуда я понимаю, что это именно фрагменты чего-то? Я это знаю. Раз они приходят все именно сейчас — при всей их разрозненности, значит, между ними есть связь. И выявить ее должна я. Мне не надо знать целое этих фрагментов. Но при этом я точно знаю, что мое призвание — то, для чего я призвана в этот мир — это именно сделать явным целое. Это — мое дело. Моя Работа.

... Я же не титан! Я обыкновенная женщина...

Итак, я могу выявить или не выявить эту истину, которая заключена в целом. На то моя воля. Но при этом я ясно знаю, что должна сделать ее явной — ведь это пришло именно ко мне, только ко мне, а для всех других этой истины еще не существует...

И вот я пытаюсь ее выстроить — и со всего размаху натыкаюсь на косность моей мозговой материи... Ну что мне делать?! Я — сосуд, не соответствующий вливаемому в него содержимому! Я, огромная — ничтожна... Я, знающая смысл — бессмысленна, потому что не имею формы выразить смысл...

Проблески логики тонут в хаосе. Задыхаясь, я пытаюсь сквозь его затягивающую толщу всплыть, выскабливая ясность из оплетающей смысл аморфной мути. Господи, за что?.. Склеивая клочки бумаги с наспех записанными на них мыслями в целое повествование, я продираюсь сквозь саму себя к самой себе. Я склеиваю себя — целое из клочков. На бумаге, только на бумаге, вытачивая художественность формы, в муках рожаю я в форму — себя.

Меня всегда поражало: как в художественной прозе после слов «он подумал», «она подумала» разворачиваются страницы пространных размышлений, где, подчиняясь воле автора, герои послушно «думают»? У меня не так. Когда мне надо о чем-то «подумать», когда я сталкиваюсь с чем-то новым, что надо осмыслить, мои мозги мгновенно тупеют, и я погружаюсь в состояние полубессознательной неопределенной пустоты, слитно-текущего брожения, поглощающего впечатления извне, не порождая при этом ни одной оформленной мысли. Как я боялась прежде этого вакуума! Мне каждый раз казалось: мне не всплыть... Вечная память утонувшим в глубинах подсознания. Теперь я твердо знаю: это я так думаю. То, что извне представляется хаосом, пустотой, то, что порождает периоды ужасающего косноязычия, в действительности представляет собой самое творческое из всех состояний — состояние прорастания. Поди вырази то, чего еще нет...

И вот я, не сопротивляясь, с головой ныряю под накатившую волну — в этот хаос, куда свисают корни всего сущего, и терпеливо жду, когда я через него прорасту. Вмешиваться в процесс роста, пытаться сознательно направлять его означает неизбежно внести искажения. Я предчувствую выход. Я знаю, что знание наверняка придет — именно потому, что я утратила все критерии. В моем мышлении меня нет — это значит, оно открыто непредвзятому восприятию новой информации.

...А вдруг на сей раз мне, все-таки, не всплыть?!

И вот я, из глубины своего незнания, со смесью надежды, смирения, радости и страха повторяю формулу заклинания неведомого источника всех смыслов — молитву, мантру: Господи, вот я. Вложи, когда Тебе будет надо, в меня то, что Тебе надо, чтобы я знала теперь...

И вот «антенна» моего сознания улавливает первую «волну-мысль», и я выхожу в новый для себя «диапазон» знания. Потом этих «волн» будет лавина, и я, не справляясь с проходящей через меня мощностью потока, неспособная «остановить» собственную голову, чтобы дать ей передышку, на грани полного изнеможения, буду тщетно кричать сама себе, как в детской сказке про волшебный горшок с кашей: раз, два, три — больше не вари! Но прежде, перед самым выходом, наступит наиболее удивительный во всей этой удивительной независимой жизни моего сознания момент, когда я еще не знаю — но уже знаю все, что буду знать. Миг, когда мне дано непосредственно ощутить, что Смысл — это слитность всех возможных смыслов в одновременности — и старых, и новых, и реализованных, и нет: все они вероятны; а все вероятности, сколько их ни на есть, даже если они не проявились еще в данной точке пространства-времени, где мы сейчас находимся, уже есть в бесконечности-вечности Вселенной. Понимаю, что это невыразимо: состояние полноты-пустоты, в котором — не хаос незнания, а тьма сознания, Космос, мерцающий переливами далеких и близких смыслов...

Когда человек думает, что он знает — он знает лишь выкристаллизованное из слитной безостановочности, остановленное его сознанием мгновенье. Но, остановленное, оно немедленно отходит в прошлое — в то время как и сам человек, и объект его познания уходят в постоянно становящееся настоящим будущее. И, цепляясь за сознание, что он знает что-то, человек удерживает только опустевшую оболочку знания... Не могу понять людей науки: они думают, что, опираясь на приборы, можно знать что-то точно, в то время как истина о предмете в каждый момент времени разная — и внутри одного момента она разная; и доказанное так же вероятно, как недоказанное. Истина — сфера.

Я ощущаю мир как сферу. Я ощущаю себя как сферу. И потому форма

выражения истины, не предполагающая постоянной смены взглядов на то что она заключает, ощущается мной как неполноценная... Не в этом ли причина того, что я не «встраиваюсь» в социальные - и, увы в Традиционно-профессиональные! — стереотипы?..

Да, мне совершенно очевидно, что я монстр. Я стою перед фактом самой себя и верно, никогда не устану поражаться зрелищу, открывающемуся мне. Что я такое, с точки зрения космической бесконечности? ничто. Но я вмещаю все ее законы и потому могу сказать: Космос — это я. Я могу изучать Космос по себе самой: все процессы мировой целесообразности имеют ко мне отношение.

Не поэтому ли мне не ходится по прямой, а только по спирали? Не поэтому ли глубоко под всеми моими катастрофами я ощущаю в себе незыблемость покоя и света, и чем старше я становлюсь, чем этих катастроф было больше, тем этого покоя и этого света во мне больше?

Но со всей этой своей космичностью я не лезу ни в какие ворота, придуманные людьми и ведущие к благополучию. Люди обжились в плоскостном измерении бытия, многомерности они не воспринимают. Чтобы не задохнуться в окружении линейных шаблонов, мне приходится прорубать в них свои ворота. Но... каждый раз, как я, обдираясь, пробиваюсь к себе, коряво открывая себя все глубже и глубже — и открывая через себя Космос, — оказывается, что я ломилась в дверь, которая открыта! Сколько раз уже я убеждалась: я типична; все, что я «открываю», известно давным-давно — вот только не всегда докопашься до этого знания... Просто я невежественна.

Не потому ли наша переломная эпоха так мучительна, что все мы оказались невежественными и не видим дверей, которые открыты?

Я живу между двумя реальностями, которые сообщаются по касательной. Это очень непросто: и в обыденной не чувствуешь себя «своей», а уж в той, другой... Я могу лишь догадываться об ее закономерностях, и часто мои догадки не срабатывают. Иду на ощупь, шаг за шагом, каким-то чудом преодолевая опасности, каждая из которых чревата невозвращением в обыденную жизнь, и понимаю: это моя норма. Потому что иногда догадываюсь точно. В такие моменты я ощущаю удар высочайшего напряжения; ясность видения обостряется предельно, и я вижу — ясно вижу: корни всего происходящего здесь лежат именно там, за чертой, на которой я в этот миг стою; в том, другом — метафизическом мире. И в этот ослепительный миг, когда касание миров проходит через меня, наш обыденный, такой обжитой мир открывается поразительной стороной — как ежеминутно и повсеместно творимое чудо. Как мир, в котором возможно все. И тогда я понимаю, что нет для человека дела важнее, чем прояснить свое видение этих истинных причинно-следственных связей, потому что оно — самая великая сила, преобразующая мир, которая дана человеку.

Все дальше и дальше, по касательной к устоявшемуся бытию, ведет меня закон моей судьбы, моя Карма — абсолютно независимо от того, хочу я этого или нет. Можешь сознательно сопротивляться, можешь временами ничего не понимать — все равно наступает момент, когда тебе остается только поражаться, с какой железной логикой разрозненные факты биографии выстраиваются в единую линию... Так, верно, это и есть та сила, которая, вопреки моей воле, с детства держит меня в режиме недостатка общения?... Зачем ей это надо?

Вероятно, ей виднее. Вероятно, тем самым она защищает меня - возможно от преждевременного самоисчерпания?..

Пройдено уже немало; хотя, конечно, с космической точки зрения, ничтожно мало... Но, кажется, я уже вижу, куда иду. И мне представляется что уже близко время, когда я не буду нуждаться в такой глухой защите.

Человек не может без связей. Бывает, я сижу в своих четырех стенах и слушаю свое одиночество. Оно щемит. Давным-давно, много жизней назад мне пришло в голову: если у тебя болит душа — наполни желудок. Все правильно, конечно,— не случайно сердце и желудок рядом... Но, что если я неверно поняла, и это щемит не одиночество? А просто погода собирается меняться, и мой организм это знает? (Он знает, что дождь кончится в половине седьмого. Это я этого не знаю...) Или, может быть, это мои любимые, далекие посылают мне привет, и я воспринимаю его, но — не понимаю; и, значит, мне надо, обязательно надо научиться их понимать? Может быть, это язык сердца, на котором они передают мне свою любовь?

... А может быть, и протуберанцы на Солнце, и смена погоды, и щемящая сердечная боль, и тоска, которой обыденно подыскиваешь объяснение: кого же это конкретно мне не хватает? — явления единого космического порядка, о чем мы, люди, забыли? И то, что привычно расцениваем как чувство одиночества, в действительности представляет собой состояние стремления? Дар, прекрасный дар Космоса человеку: разомкнуть обыденное бытие. Дар потребности в космической связи, означающий, что эта связь уже есть, и надо только осознать ее и принять и тем самым обрести ощущение своего места в этой связи. Может быть, щемящее чувство — это Зов, который нам надо услышать? И не заглушать в себе, а довериться ему однажды и пойти за ним?

Я строю лестницу для идущих. Для сегодняшних и завтрашних. Я посвящаю ее монстроподобным и невежественным, нелинейным, не вмещающимся в устоявшееся пространство. Сегодня нас — тьма. Это значит, облик завтрашней реальности будет зависеть от того, какими будем мы.

Звери от рождения знают формулу своего бытия, и птицы знают. И только Сын Человеческий один среди земных существ рождается, чтобы идти; чтобы стать собой, ему надо прежде себя найти и научиться собой быть.